

НАРОДЫ МИРА (ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

Г. И. АНОХИН

ФАРЕРЦЫ

Некоторые материалы по истории и традиционным хозяйственным занятиям фарерцев

В советской научной литературе о фарерцах — жителях принадлежащих Дании Фарерских островов — не было ни одной статьи или сообщения. Да и на Западе литература о фарерцах весьма невелика. Даже в Дании, по признанию датских специалистов, «весьма мало знают о Фарерских островах и условиях жизни фарерцев — родственного нам народа»¹.

Фарерские острова расположены в Северной Атлантике, в 450 км юго-восточнее Исландии. Площадь архипелага — 1399 км². В 1962 г. на островах проживало 32 456 чел., из них 95% фарерцев, остальные — датчане.

В настоящей статье даются краткая история фарерского народа и характеристика традиционных хозяйственных занятий жителей Фарерских островов.

Археологические раскопки и письменные источники раннесредневековой Европы не подтверждают присутствия людей на Фарерских островах раньше VII—VIII в. н. э. Первыми поселенцами архипелага считаются кельтские монахи — отшельники. Ирландский монах Диквил в 825 г. в сочинении «Измерение круга земного» так впервые описал положение на Фарерских островах: «На небольших островах, разделенных узкими проливами, около ста лет жили монахи-отшельники, прибывшие туда из нашего отечества — Шотландии. Эти острова были покинуты монахами из-за нападений скандинавских пиратов»². Установлено, что «скандинавскими пиратами», о которых говорит Диквил, были норвежские викинги. Не исключена возможность того, что после первых набегов викингов и бегства монахов с островов там в течение полустолетия вообще никто не жил и за это время брошенные ирландцами овцы одичали и бродили бесчисленными стадами.

В науке не существует единого мнения об этимологии названия островов. Большинство специалистов считает, что название архипелага переводится как «Овечьи острова». Впервые название островов встречается на карте 1280 г. (там значится — Færeí)³ и в древнейшей мест-

¹ Аа. Н. Кампп, Færøerne, Folk og ehrevy, København, 1950, стр. 7.

² Dicuil, De mensura orbis terrae, Paris, 1807, кап. VII.

³ «Færøerne», I, København, 1958, с. 174.

ной — «Фарерской саге» (Færoyar), описывающей события X—XI вв. и возникшей, вероятно, до XIII—XIV в. Считается, что основа слова — eyiaġ, oyaġ, øegle — острова и определяющее слово — Faġ, Fæġ, Fāġ — овца. Однако имеются и другие толкования. Так, средневековый историк островов Лукас Якобсен Дебес считает, что определяющее слово происходит от датского слова at faġa — ехать, и объясняет перевод так: «Эти острова, между которыми нужно ехать, плыть»⁴. Ёрген Ландт в своей «Попытке описания Фарерских островов»⁵ предлагает два варианта толкования определяющего слова. По одному варианту Ландт, указывая на громадное количество прилетающих сюда морских птиц, производит определяющее слово от датского fjer (соответственно новофарерскому письменному fjødur или разговорному fjøewur) — пух, перо, т. е. Пуховые острова или Острова, богатые перьями, пухом. По другому варианту Ландт допускает происхождение определяющего слова от датского fjerne (соответственно новофарерскому письменному fjaġur или разговорному fjeaġur), что значит — дальний, далекий, отдаленный. Известный норвежский археолог А. В. Брёггер присоединился к последнему переводу названия островов в своей работе «Норвежское поселение на Шетландских и Оркнейских островах»⁶, однако считал, что оно происходит не от датского, а от древнекельтского слова feagaġ — Далекая земля, Дальняя страна.

Может быть, во всех этих разноречивых толкованиях и есть доля истины. Но во всех, кроме последнего, исследователи почему-то ищут определяющее слово в датском, а не в древненорвежском (т. е. и древнефарерском) или кельтском (т. е. и древнеирландском) языке. Ведь логично ждать, что именно от кельтских монахов или норвежских викингов должно произойти название островов. Так Овечьи острова по-древненорвежски скорее звучали бы как «Сейтюрёвы острова» (древненорвежское seydigeuġar, древнефарерское — seydigeuġar). Однако выход из разных толкований, кажется, находит немецкий исследователь островов Эрнст Кренн, который обнаружил и в древненорвежском языке, правда, менее употребительный синоним для слова «овца» — fæg⁷. А датчанин Ёрген Стейнинг полагает, что fæg вообще — общескандинавское слово в норвежском произношении, соответствующее восточноскандинавскому (датскому, шведскому) faġ — овца⁸. Исходя из этого, наиболее распространенное толкование названия Фарерских островов, как Овечьих островов, по-видимому, следует считать оправданным.

Не существует единого мнения и относительно происхождения фарерцев. Большая часть современных фарерцев черноволосы, темноглазы и сильно отличаются от светловолосых, светлоглазых и высокорослых скандинавов, и прежде всего от норвежцев, которых принято считать представителями «нордического» антропологического типа. Часть антропологов на основании темной окраски волос фарерцев считает, что «в жилах обитателей Фарерских островов течет не только скандинавская, но и ирландская, кельтская кровь»⁹. Датчанин же Сёрен Хансен, напротив, утверждает, что фарерцы — чисто скандинавского происхождения, без существенных примесей чужих элементов. Это ут-

⁴ L. J. Debes, Færoæ et Færoa Reserata, 1673.

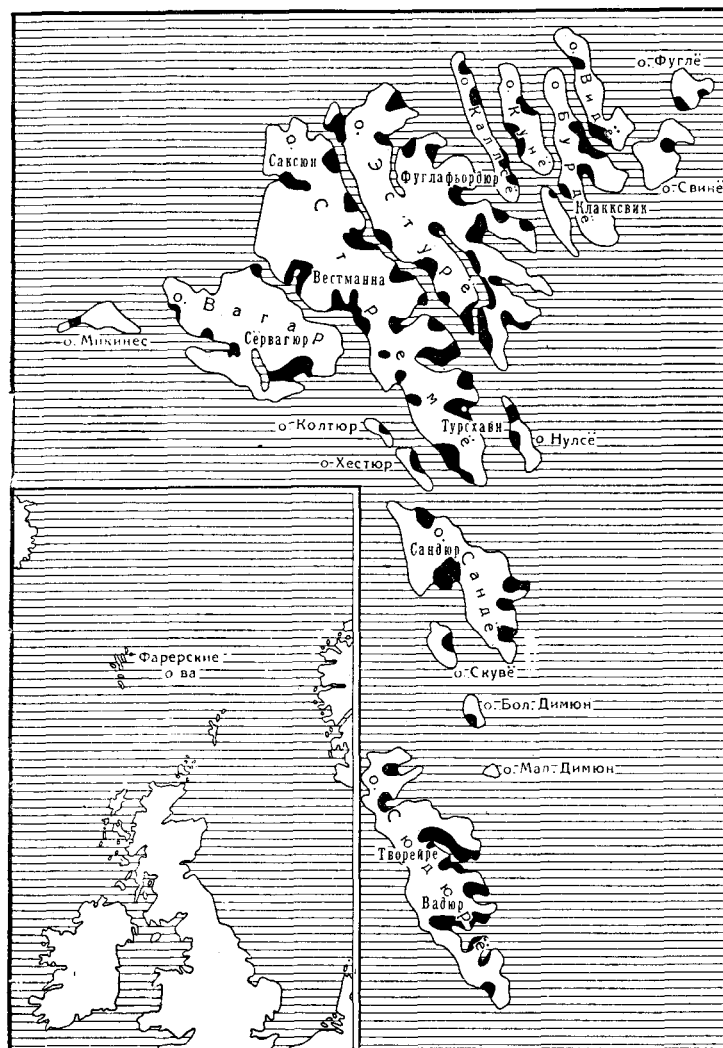
⁵ J. Landt, Forsøg til en Beskrivelse over Færøerne, Kjøbenhavn, 1800.

⁶ A. W. Brøgger, Den norske bosetningen på Shetland-Orknøylene, «Skrifter, utgitt av Det norske Videnskapsakademi i Oslo», 1930, II, I.

⁷ E. Krenn, Der Name Foroyar, «Petermanns Mitteilungen», 83. Jahrgang, 6 Heft. Juni 1937, стр. 170.

⁸ «Færøerne», I, стр. 174.

⁹ Аа. Н. Кампп, Указ. раб., стр. 26.

Карта Фарерских островов; черным закрашены населенные пункты с прилегающими к ним пашнями

верждение, как будто, согласуется с тем фактом, что в районах Мёре и Агдер в Норвегии, откуда шел основной поток эмигрантов в IX—X вв. н. э., среди коренного населения до настоящего времени преобладает тип с темной окраской волос. Возможно, что именно темноволосые жители этих норвежских провинций заселили Фарерские острова¹⁰.

Но ведь до сих пор неясно происхождение и этого темноволосого компонента современных норвежцев. Составляя меньшинство в антропологическом облике современных норвежцев, темноволосые, по мнению некоторых специалистов, сами являются потомками значительной волны кельтских переселенцев в Норвегию. Возможно, отчасти это

¹⁰ A. C. O'Dell, The Scandinavian World, London. 1957, стр. 313.

были военнопленные или захваченные во время набегов викингов кельтские женщины.

О средневековой истории фарерцев известно чрезвычайно мало. Острова почти в течение тысячелетия были изолированы и фарерцы жили замкнутой жизнью натурального хозяйства. Около 1035 г. Фарерские острова, наряду с Шетландскими, стали леном Норвегии. В 1380 г. они вместе с Норвегией перешли под власть Дании, но управлялись как часть норвежской административной единицы в составе датских владений вплоть до 1709 г., когда острова по новому церковному делению датского государства перешли в ведение одной из крупнейших епархий Дании — Зеландии. Одновременно была отменена свобода торговли островов, и датское государство взяло монопольное право торговли на себя. Впоследствии, в 1814 г., когда Норвегия отделилась от Дании, новая административная зависимость от епархии Зеландия оказалась достаточной причиной, чтобы оставить Фарерские острова под властью Дании¹¹.

Островами управлял датский чиновник — ленсманн. В качестве главы местного органа самоуправления — лагтинга — вершил дела датский чиновник — лагманн; он же возглавлял местный суд и представлял на переговорах по спорным вопросам с населением. В 1816 г. должность лагманна и лагтинг были упразднены, а острова были превращены в рядовую датскую административную единицу — амт во главе с датским чиновником — амтманном.

С середины XIX в. острова все более втягиваются в торговые отношения, и часть продукции хозяйства — шерсть, рыба, баранина — становится все более важным товаром в обороте.

Фарерцы не знали в прошлом развитых форм феодализма. Здесь не было ни помещиков, ни крупных землевладельцев или скотовладельцев. Со времени церковной реформации обрабатываемые земли принадлежали королю (бывшие епископские земли) или являлись наследственной собственностью крестьянских хозяйств (удель). На королевских землях поселяли безземельных, так называемых «королевских» крестьян, которые обязывались за пользование землей платить подати королю. Участок, принадлежавший королевскому крестьянину, мог наследоваться только старшим сыном или одним из родственников, если не было детей, и, таким образом, не дробился между потомками. В то же время появлялись безземельные — прочие дети королевского крестьянина, не имеющие права наследования земли. Их удел был — стать батраками у зажиточных крестьян.

Крестьяне, владеющие наследственной земельной собственностью — уделом, были свободны от обложений за землю. При наследовании удел делился между всеми родственниками, поэтому из поколения в поколение дробился на мелкие участки, иногда на много разбросанных в разных частях пашни неравноценных по качеству лоскутов. Известен случай с острова Сандё, когда один наследник удела владел 95 клочками земли, разбросанными среди владений прочих крестьян.

Раздробление обрабатываемых земель повлекло за собой издание в Дании для Фарерских островов закона о выделении клочков в цельные участки. Однако установившиеся в течение столетий традиции наследственного землепользования оказывались зачастую сильнее, и крестьяне к переделам земли относились недоверчиво и неприязненно. Кое-где крестьяне даже противодействовали реализации закона, осо-

¹¹ Аа. Н. Катрр, Указ. раб., стр. 26.

бенно после того, как в ряде мест переделы почему-либо оказывались неудачными¹².

Если пашни у фарерцев принадлежали отдельным семьям королевских крестьян или владельцев удела и передавались по наследству, то все прочие угодья — горные пастбища, скальные отвесы с гнездованиями птиц и прилегающие морские отмели, где бывали хорошие уловы рыбы, считались общинной собственностью. Овечьи стада тоже были общинной собственностью, однако на долевых условиях — каждая семья, каждое крестьянское хозяйство имело право получать при убое овец и стрижке шерсти долю, соответствующую доле пашни среди других пашен данной соседской общины¹³. Впрочем, в некоторых поселениях, например на острове Сюдюрё, каждый землевладелец сейчас владеет уже определенной частью своих овец, на ушах которых хозяин ставит свое клеймо. В этом случае наблюдаются чрезвычайно сложные правила пользования определенными участками горных пастбищ для выпаса овец, принадлежащих определенным владельцам стад¹⁴. Часть крестьян, в том числе новопоселенцев, вообще не владела пахотной землей и поэтому не имела права на долю продукции от овцеводства — мясо и шерсть. Эти бедняки, работавшие батраками у зажиточных крестьян, имели право взять шерсть для изготовления одежды (так называемую «вшивую шерсть») с павших в горах овец¹⁵. При общих довольно суровых условиях существования на островах эксплуатация батраков в этом крестьянском обществе была не менее жестокой, чем в любом другом человеческом обществе с развитыми формами феодализма.

К середине XIX в., когда капиталистические отношения на островах упрочились, в результате требований местной буржуазии датское правительство в 1852 г. восстанавливает на островах лагтинг, на этот раз с функциями совета административного района, имеющего право рекомендовать законы для Фарерских островов. Однако эти рекомендации затем нуждались в утверждении их в риксдаге в Копенгагене. Одновременно фарерцы получили право посылать в Датский риксдаг двух депутатов (с 1947 г. — трех). Следует также отметить, что фарерская сельская и промысловая буржуазия, мотивируя свои требования весьма суровыми условиями существования, добилась ряда важных льгот для жителей островов: фарерцы не платили государственного налога, были освобождены от воинской повинности, а таможенные сборы здесь были ниже, чем в самой Дании. С 1 января 1856 г. было снято право датской монопольной торговли, и Фарерские острова получили возможность широкого товарообмена.

Молодая и немногочисленная фарерская буржуазия возглавила местное национальное движение. Первоначально знаменем его была борьба за культурную автономию: за создание своего родного письменного литературного языка, за сохранение традиционной и самобытной фарерской культуры. Но около конца прошлого — начала нашего столетия местная буржуазия вступает во все более тесный контакт с датской, а лидеры фарерских буржуазных группировок баллотируются на выборах в риксдаг Дании от датских буржуазных партий венстре (левые) или хёйре (правые).

Во взглядах некоторых фарерских буржуазных лидеров на судьбы

¹² H. Rasmussen, *Færøske kulturbilleder omkring Aarhundredskiftet*, København, 1950, стр. 27.

¹³ Там же, стр. 24.

¹⁴ Аа. Н. Кампп, Указ. раб., стр. 82.

¹⁵ H. Rasmussen, Указ. раб., стр. 22.

своего народа наблюдаются два различных политических оттенка. Одни (группа Союза) были за сохранение прежнего положения архипелага как составной части Дании и ее административного района. Другие (группа Самоуправления) стремились к установлению местного самоуправления с правом законодательства по внутренним делам островов и введения преподавания фарерского языка в местных школах. Промежуточное положение занимала социал-демократическая группа, которая ставила целью путем реформ добиваться улучшения экономических условий населения, однако в рамках прежней общности с Данией. Как отмечали местные исследователи, эти якобы «политические отношения групп зачастую определялись чисто личными отношениями между общественными деятелями, что может быть объяснено малочисленностью фарерского народа»¹⁶. Имеется еще несколько буржуазных политических группировок, между которыми трудно уловить принципиальные различия, помимо названных. Лишь в период немецко-фашистской оккупации Дании, когда Фарерские острова были заняты англичанами и когда неограниченный спрос на рыбу в Англии привел к расцвету экономики архипелага, возникла еще одна, отличная внешне от прежних, политическая буржуазная группа, ставившая целью полный разрыв с Данией. Эта группа, принявшая громкое название Народной группы или партии, дважды — в 1940 и 1943 гг. — пыталась провозгласить самостоятельную Фарерскую республику, но оба раза не получила поддержки депутатов лагтинга, выполнявшего в годы войны законодательные функции.

Проведенный уже после войны плебисцит 14 сентября 1946 г. дал неожиданный результат: за отделение проголосовала треть избирателей, треть их воздержалась от голосования и треть проголосовала за предложения датского правительства. Смысл этих предложений сводился к реформе управления на островах: введения местного дополнительного органа — Совета управления в составе четырех фарерцев и датского уполномоченного взамен упраздняемой должности датского чиновника — амтманна; лагтинг получал все полномочия во внутреннем законодательстве островов; признавался фарерский национальный флаг в качестве флага «фарерской части страны», но в то же время Даннеброг (датский флаг) рассматривался как общегосударственный.

Так как плебисцит 14 сентября 1946 г. не дал ясного ответа на вопрос о формах дальнейшего управления, датское правительство распустило старый лагтинг, а новые выборы дали большинство депутатам от группы Союза с Данией. С 1 апреля 1948 г. острова получили широкую областную автономию под суверенитетом Дании. Весной 1963 г. в лагтинге впервые пришла к власти Народная партия, требующая независимости.

Несмотря на почти тысячелетнюю зависимость фарерцев сначала от Норвегии, затем от Дании, этот небольшой народ сохранил свой язык, свою специфическую материальную и духовную культуру. Фарерский язык принадлежит к западной ветви скандинавских языков и занимает промежуточное положение между западнонорвежскими диалектами и исландским языком.

В годы церковной реформации в конце XVI — начале XVII вв., когда на Фарерских островах вместо латыни языком церкви стал государственный датский язык, он не получил все же распространения среди самих фарерцев. Датский язык был языком пробстов (священнослу-

¹⁶ Аа. Н. Каттруп, Указ. раб., стр. 28.

жителей), но он так и не стал повседневным языком церковных общин, хотя фарерцы читали молитвы и пели псалмы по-датски¹⁷. В конце XVIII в. датские и местные лингвисты пытались записать устную народную поэзию — народную балладу, стих которой по размеру тот же, что в шведских и в датских народных балладах — четырехстрочная строфа с припевом¹⁸.

До середины XIX в. фарерский язык не имел устойчивой орфографической нормы. Почти на каждом острове существовал свой особый диалект, и каждый фаререц писал на нем, руководствуясь обычно личным произношением. Фарерская орфографическая норма была впервые выработана в сороковых годах XIX в. фарерским студентом-теологом, впоследствии местным пробстом Венцеславсом Ульрикусом Хаммерсхаймбом (1819—1909 гг.). Хаммерсхаймб также начал издание фарерских баллад¹⁹. В основу фарерской орфографии Хаммерсхаймб положил в 1846 г. нормализованный древнеисландский язык и тем приблизил созданный им фарерский литературный письменный язык к исландскому, правда, в то же время сильно отдалив его от фарерских разговорных диалектов²⁰. Как фарерские разговорные диалекты, так и фарерский язык значительно более близки к чисто скандинавскому языковому корню, чем современный датский или даже современный норвежский язык, от которого они происходят.

Однако фарерский литературный язык долго не получал признания со стороны датских властей. Его не вводили в школах, на нем не разрешали печатать литературу. Около 1890 г. на Фарерских островах возникло движение за введение фарерского языка в качестве учебного предмета в школах. Но только в 1937 г. фарерские учителя получили право сами определять, на каком языке преподавать — на фарерском или датском; между этими языками существует столь значительная лексическая и морфологическая разница, что фарерские дети до обучения в школе совсем не понимают датского языка²¹. По закону от 1 апреля 1948 г. фарерский язык признан главным языком островов. На нем печатаются газеты, журналы, книги. А в школах преподаются оба языка — фарерский и датский.

* * *

Важнейшее хозяйственное занятие фарерцев в наши дни — рыболовство. Однако еще полтора столетия назад, около 1800 г., оно было лишь незначительным побочным промыслом, и более 80% трудоспособного населения занималось сельским хозяйством — овцеводством, разведением крупного рогатого скота и земледелием. Основной отраслью сельского хозяйства в течение всей истории Фарерских островов вплоть до

¹⁷ Аа. Н. Кампп, *Lidt om Færøernes natur, folk og erhverv*. «Grundrids ved folkelig universitetsundervisning», No 475, København, 1956, стр. 6.

¹⁸ Э. Вессен, *Скандинавские языки*, М., 1949, стр. 68 и 69.

¹⁹ Эрнст Кренн утверждал, что «основатель новофарерского письменного языка В. У. Хаммерсхаймб был потомком немца из бывшей австрийской Южной Силезии» (Е. Кренн, *Указ. раб.*, стр. 170). То же он писал еще в нескольких работах 1930-х годов. Ни в датских, ни в фарерских, ни в норвежских научных работах автору настоящей статьи не удалось найти подтверждения или опровержения этого сообщения Э. Кренна. Однако славянское имя Хаммерсхаймба — Венцеславс — как будто согласуется с утверждением Э. Кренна о месте рождения Хаммерсхаймба, хотя он может быть и не немецкого, а славянского происхождения.

²⁰ Аа. Н. Кампп, *Lidt om Færøernes natur*, стр. 6.

²¹ Аа. Н. Кампп, *Lidt om Færøernes natur*, стр. 7.

начала нашего столетия было овцеводство²². Продукты его играли видную роль в хозяйстве фарерцев. Баранина составляла основу пищи населения, а шерсть и кожа шли не только на изготовление одежды и обуви, но были и важнейшими товарами в торговле с Данией. Овечья шерсть была столь важным продуктом хозяйства, что у фарерцев она получила образное название «золота Фарерских островов»²³.

Фарерских овец можно лишь весьма условно назвать домашними животными. По древней традиции овцы почти в течение всего года находятся на пастбищах под открытым небом, летом на горных пастбищах, зимой — вокруг усадьбы крестьянина. От гололеда, сильного снегопада, а также от срывов овец с травянистых полок крутых склонов нередок большой падеж овечьего поголовья. Так, за первые пять месяцев 1913 г. от этих причин погибло 20 тысяч овец²⁴.

Фарерские овцы — мясной породы, дают очень малый настриг шерсти (только 1—1,5 кг в год с овцы). Тем не менее, валовая продукция овцеводства дает примерно такой же доход, как и все остальные отрасли сельского хозяйства, вместе взятые²⁵.

Дважды в течение года овец собирают в стада. Весной их сгоняют для снятия шерсти. Ее рвут руками, а не стригут ножницами и не срезают ножом. Такая традиция существует здесь со времени заселения островов. Если даже кто-нибудь берет нож, чтобы отрезать шерсть, старые крестьяне обычно недовольно говорят, что на другой год после этого трудно будет выдирать шерсть руками. Ландт в конце XVIII в. пытался внедрить ножницы в качестве орудия для стрижки овец среди батраков своего хозяйства и даже заставлял их тренироваться на старой сухой шкуре ягнят. Однако при массовом сборе шерсти батраки, получив для работы ножницы, все-таки рвали шерсть руками²⁶.

Осенью, когда пастухи с собаками сгоняют овечьи стада с гор к усадьбам, происходит выбраковка овец на убой. Отбраковываются прежде всего слабые и больные овцы, не способные выдержать предстоящую зимовку. Уже сам переход овец к усадьбам был отбраковкой — отстающих буквально затравливали собаками или забивали палками.

Трудная восстанавливаемость травостоя островов всегда заставляла фарерцев быть осторожными с увеличением поголовья овец. Согласно старому закону, ежегодно разрешалось содержать не более 70 тысяч голов на всем архипелаге, и этой нормы всегда придерживались на островах. Относительное среднее количество овец на одного человека теперь резко уменьшилось, так как население островов за последние полтора столетия увеличилось в семь раз. Так, в 1800 г. на островах проживало около 5 тыс. чел., и, следовательно, на каждого фарерца приходилось в среднем по 14—15 овец²⁷, сто лет назад приходилось по

²² «Die wirtschaftlichen Verhältnisse auf den Färöer», «Zeitschrift für Wirtschaftsgeographie», 1960, No 7, стр. 216.

²³ Протестантский священник Ландт писал в конце XVIII в. «Овцы самое главное богатство, и все скорби и радости фарерцев зависят от того, хороши или плохи дела в овцеводстве; если в овцеводстве удача, то фарерцы выдерживали все другие невзгоды — и неурожай, и неудачи на рыбной ловле» (J. Landt, Указ. раб.).

²⁴ Аа. Н. Кампп, Færøerne, стр. 84.

²⁵ Аа. Н. Кампп, Lidt om Færøernes natur, стр. 10.

²⁶ Н. Rasmussen, Указ. раб., стр. 25.

²⁷ О. Кампп, сообщая, что «овцеводство... во все времена... вращалось около разрешенных законом 70 тысяч овец» (Аа Н. Кампп, Færøerne, стр. 63), тем не менее почему-то указывает, что около «1800 года на каждого жителя приходилось около 20 овец». Вряд ли такое соотношение могло возникнуть при «разрешенных законом 70 тысячах овец», ибо О. Кампп в этой же книге на стр. 35 сообщает, что «на Фа-

10 овец, а теперь — только по 2 овцы²⁸. Однако и сейчас в Данию вывозится еще много шерсти. В 1954 г., например, было вывезено 46 т²⁹.

Разведение крупного рогатого скота на островах почти столь же экстенсивно, как и овцеводство. С весны до осени коровы содержатся на пастбищах, зимой — в стойлах крестьянского двора. Основная цель разведения крупного рогатого скота — получение молока для потребления в семье. Однако суровые условия, малопитательные корма (в основном только трава летом, сено и кухонные отходы — зимой) и низкопородность скота были и остаются причиной крайне малых удоев. Если средний годовой удой коровы в Дании составляет 2900 литров, то на Фарерских островах средний удой едва достигает 1170 л в год³⁰. Продукция молока на каждого фарерца в среднем равна 0,5 л в сутки против трех литров в Дании. Нехватку молока и молочных продуктов фарерцы восполняют за счет все более возрастающего импорта последних³¹.

Интересно распределение рабочих обязанностей фарерцев среди мужчин и женщин в этих отраслях хозяйства. По традиции считается, что все работы по овцеводству — мужские, а все работы по уходу за крупным рогатым скотом — женские. Работа мужчин с крупным рогатым скотом считается позорной, а наихудшая кличка для мужчины — «доярка» (neytakona)³².

Всего на островах около 5 тыс. голов крупного рогатого скота³³ (т. е. в среднем одна единица крупного рогатого скота на каждые 7 человек), из них 3 тысячи молочных коров³⁴.

Лошадей на островах всегда было немного. Теперь их стало еще меньше, ибо лошади мало используются на сельскохозяйственных работах и то лишь в качестве вьючного животного или изредка для верховых поездок. Свиной и коз совсем мало (коз всего около 100 голов). Правда, в годы второй мировой войны значение свиноводства значительно возросло. В ту пору для него существовала хорошая кормовая база: отходы полевых кухонь британских оккупационных войск. Но после войны, когда войска ушли и возможности кормовой базы, как и прежде, стали ограниченными, поголовье свиней резко сократилось. В годы войны благодаря отходам тех же полевых кухонь заметно возросло количество домашних птиц. И в настоящее время их довольно много: до 30 тыс. кур и до 4—5 тыс. гусей. С 1936 г. на островах занимаются разведением пушного зверя, однако значение этой отрасли хозяйства незначительно³⁵.

Развитие земледелия на островах всегда тормозилось недостатком земли, пригодной для обработки (большинство почв кислые), а также неблагоприятными условиями рельефа и климата, ограничивающими выбор сельскохозяйственных культур. Только 3,5% площади островов огорожено под приусадебные участки, но фактически лишь около 3%

Фарерских островах в 1801 г. было около 5 тысяч жителей», а, следовательно, на душу населения приходилось 14—15 овец. Последней цифры и придерживается автор настоящей статьи.

²⁸ A. C. O'Dell, Указ. раб., стр. 315.

²⁹ Там же, стр. 315.

³⁰ A. C. O'Dell, Указ. раб., стр. 315.

³¹ Aa. H. Kampp, Lidt om Færøernes natur, стр. 11.

³² H. Rasmussen, Указ. раб., стр. 25.

³³ «Dagens nyheter», 1 декабря 1960 г.

³⁴ Aa. H. Kampp, Lidt om Færøernes natur, стр. 11.

³⁵ Там же.

площади архипелага обрабатывается³⁶. Основной задачей земледелия всегда была добыча корма на зиму для крупного рогатого скота. Поэтому важнейшей культурой являются кормовые травы. Общая площадь под травами составляет до 94% пашни³⁷. Сушка сена теперь производится на подставках, прежде сушили в копнах. Из-за дождливого климата трудно сушить сено, в особо дождливый год (1935 г.), например, большая часть сена вообще испортилась. Годовая продукция сена обычно составляет 12 т, это только половина того, что нужно для прокорма скота зимой. Недостающую часть сена импортируют.

Следующая по значению культура — картофель — занимает небольшую площадь, и урожая картофеля не хватает для питания населения и подкорма скота. Поэтому картофель тоже импортируют.

Еще столетие назад важнейшей земледельческой культурой был шестирядный ячмень, но его урожай покрывал только четверть потребности населения в зерне; недостающие три четверти ввозили из Дании. Сейчас ячмень занимает значительно меньшую часть пашни, а урожай дает только 0,5% потребности фарерцев в зерне³⁸.

При уборке в сентябре — октябре зерновых культур и травы на сено иногда еще и теперь пользуются серпом или ножом. Досушку и дозревание зерна производят сначала на ветру на возвышенных местах пашни, затем, оборвав колосья с помощью особого гребня, сушат их в специальном каменном помещении (sodnhus) над тлеющим торфом. Вся работа, связанная с просушкой, обмолотом, очисткой и переносом зерна домой, считается делом женщин, тогда как уборка сена — делом мужчин³⁹.

Из других культур, возделываемых на Фарерских островах, можно назвать турнепс, овес, морковь, ягоды (смородина, крыжовник).

Никаких специальных орудий для обработки земли, кроме лопаты, у фарерцев раньше не было. Они вскапывали пашню вручную. Первая попытка введения плуга на островах относится к 1780 г.⁴⁰ Однако экономическая слабость большинства хозяйств, сильная раздробленность владений на пахотных землях, а также весьма неровный рельеф местности до сих пор тормозят применение более совершенных орудий и машин. Посадка картофеля и других культур также производится вручную.

Некоторый прогресс в механизации сельского хозяйства островов наблюдался после первой мировой войны, когда в наиболее крепких хозяйствах стали появляться современные сельскохозяйственные орудия и машины. Так, в 1926 г. на островах было 47 плугов, 81 борона, 3 сенокосилки и 6 конных граблей, а после второй мировой войны (1948 г.) было 6 тракторов с соответствующими прицепными сельскохозяйственными орудиями, 25 моторных сенокосилок и некоторый другой современный инвентарь⁴¹. К сожалению, имеющиеся статистические материалы не дают возможности дифференцировать указанную технику по хозяйствам разной степени состоятельности и тем самым затушевывают социальные моменты.

Рыболовство, китобойный и тюлений промыслы и птицеводство в прошлом играли подсобную роль. Рыболовство лишь эпизодически при-

³⁶ Аа. Н. Кампп, *Lidt om Færøernes natur*, стр. 8.

³⁷ «Færøerne», II, København, 1958, стр. 199.

³⁸ Аа. Н. Кампп, *Færøerne*, стр. 76.

³⁹ Н. Расмуссен, *Указ. раб.*, стр. 27.

⁴⁰ Там же, стр. 29.

⁴¹ Аа. Н. Кампп, *Færøerne*, стр. 71.

обретало ведущее значение в жизни фарерцев. Так, в годы, когда наблюдался массовый падеж овец, фарерцы, чтобы не умереть с голоду, переключались на рыболовство⁴². Отмена датской торговой монополии в 1856 г.⁴³ способствовала бурному развитию экономики островов и выдвинула на первый план рыболовство. Треска и сельдь в сушеном, засоленном, замороженном и свежем виде в настоящее время составляют основу фарерского экспорта, преимущественно в Англию, Данию и ФРГ. Если в 1800 г. 90% экспорта составляли продукты сельского хозяйства — шерсть и баранина, то в настоящее время 90% его занимают продукты рыболовства.

Фарерское рыболовство имеет две разновидности: прибрежное, лодочное или «домашнее», и дальнее, судовое или «морское». Лодочное рыболовство имеет тысячелетнюю традицию и осуществляется на рыболовных отмелях вблизи островов с гребных открытых лодок, сохранивших и доныне те же формы и размеры, что и лодки времен викингов. Каждая часть лодки имеет свое специальное, такое же, как и в раннем средневековье, название. В последние 50 лет наряду с гребными лодками для прибрежного рыболовства применяются лодки с подвесными моторами. Общее число лодок, используемых для «домашнего» лова, в течение последнего сорокалетия остается неизменным — около полутора тысяч⁴⁴.

Прибрежным рыболовством занимаются в любое время года. Прimitивные суда и способы ловли рыбы с лодок обычно не дают излишков для продажи рыбы на сторону, хотя, конечно, при особо удачных уловах излишки рыбы продают.

С 1870-х гг., когда фарерцы впервые закупили в Англии для дальнего лова палубные суда — катера и шхуны, а с 1920-х годов — траулеры, все большее число рыбаков и безземельных крестьян уходит на дальний, «морской» лов. Дальний лов производится на отмелях вокруг Исландии, около Гренландии, острова Медвежьего и даже около архипелага Шпицбергена⁴⁵. В наше время этим видом рыболовства занимаются не от случая к случаю в разные времена года, а профессионально. В основном экипаж палубных судов составляют рыбаки, в прошлом выходцы из разорившихся или безземельных крестьян. Экипажи дополняются сезонниками из числа батраков или крестьян, оказавшихся почему-либо свободными в сельском хозяйстве в летнее время. 95—96% дохода от всего фарерского рыболовства дает дальнее рыболовство, которым занята 1/8 часть всех фарерцев или половина всего взрослого мужского населения островов (около 4 тыс. чел.)⁴⁶.

Рыбаки часто и подолгу не бывают дома. Их рабочий год распределяется следующим образом: с февраля — марта до мая они рыбачат на отмелях вокруг Фарерских островов и южнее Исландии. Это «домашнее» рыболовство, по фарерской терминологии. Затем в течение двух недель рыбаки готовятся к дальнему лову на палубных судах. Этот дальний лов ведется до сентября. Осенью и зимой рыбаки вновь ловят рыбу вблизи островов.

Улов трески дальнего лова не везут домой, а обычно солят или сушат здесь же, на прибрежных скалах тех островов, где происходит лов.

⁴² Н. Rasmussen, Указ. раб., стр. 32.

⁴³ «Færøerne», II, стр. 158.

⁴⁴ Аа. Н. Кампп, Færøerne, стр. 43.

⁴⁵ Аа. Кампп, Die Färøer, «Geographische Rundschau», 7. Jahrgang, No 5, Mai 1955, стр. 188.

⁴⁶ Аа. Н. Кампп, Lidt om Færøernes natur, стр. 12.

Здесь же возникли поселки фарерцев, где в период лова живут фарерские женщины и подростки. Этот способ сушки рыбы на скалах фарерцы применяют и у себя на островах с 1840-х годов, когда они научились ему в Шотландии. Вся работа по отрезанию голов трески, мойке, солке, сушке на скалах и упаковке клипфиска (так называют сушеную на скалах рыбу) для продажи, отнимающая в полном цикле 1—2 месяца, выполняется преимущественно женщинами и подростками⁴⁷.

Кроме трески, в прибрежном и дальнем рыболовстве фарерцы ловят сельдь, зубатку и палтус. Рыбу осенне-зимнего улова обычно замораживают для продажи в Англию, летнего улова — солят для сбыта в Данию и Италию или в свежем виде продают в Англию⁴⁸. Клипфиск сбывают преимущественно в Испанию, отчасти в Италию, Португалию и Грецию. Однако все же главное место в экспорте рыбы составляет соленая рыба — $\frac{7}{8}$ всей вывозимой на продажу рыбы⁴⁹.

Бурный расцвет рыболовства наблюдался в годы второй мировой войны, когда фарерские рыбаки торговали с Англией (от 40 до 75% всего прибывавшего в Англию груза рыбы обеспечивали фарерцы).

Если «домашнее» рыболовство обычно происходит на собственных лодках и осуществляется самими крестьянами или ремесленниками, реже батраками, работающими в крестьянских хозяйствах, то дальний лов ведется артелями, работающими на капиталистических началах: суда и снасти являются собственностью богача, который получает с улова значительный процент, а небольшую долю за работу получают рыбаки. Рыболовство, особенно дальнее, — очень опасный промысел. Много рыбаков погибает в море.

Рыболовство в пресных водах рек и озер островов (ловля форели, угрей и еще четырех видов пресноводных рыб) скорее носит характер любительского спорта⁵⁰.

Китобойный промысел на островах подразделяется на два вида: промысел на китов мелкой породы — гринду, мясо которой идет в еду, и промысел на крупных китов, почти исключительно для коммерческих целей. Но если промысел на гринду имеет тысячелетнюю историю — им занимались еще в период заселения островов, то промысел на крупного кита относительно молодой — он возник с конца XIX в.

Пожалуй, нет ни одной страны в мире, где китобойный промысел играл бы такую большую роль в питании населения и привлекал бы столь много участников, как на Фарерских островах. Фарерцы занимают первое место в мире по потреблению в пищу китового мяса гринды.

Гринда — кит мелкой породы. Длина его тела — 4—5 м, но может достигать 8 м⁵¹. Гринда встречается в северной части Атлантического океана в стадах, насчитывающих от 100 до 1000 животных⁵², и появляется у островов во все времена года, но чаще всего в июле — сентябре, реже — зимой. Сообщение о появлении стада гринды передается первым замечившим его рыбаком. Все владельцы гребных и моторных лодок оцепляют его фронтом лодок и гонят его в ближайшую бухту.

⁴⁷ Аа. Н. Камп, Færøerne, стр. 48—49.

⁴⁸ Аа. Н. Камп, Lidt om Færøernes natur, стр. 13.

⁴⁹ Аа. Н. Камп, Færøerne, стр. 53.

⁵⁰ Там же, стр. 53.

⁵¹ J. Bruus, Färingarnas tjurfäktning, «Jorden rundt (Länder, folk, resor och kultur)», Stockholm, No 3, 1959, стр. 137. О. Х. Камп указывает несколько иные данные о размерах гринды 2—7 м длины (Аа. Н. Камп, Færøerne, стр. 54); и 6—7 м (его же, Lidt om Færøernes natur, стр. 13).

⁵² J. Bruus, Указ. раб., стр. 137; О. Х. Камп указывает, что стада бывают по несколько тысяч животных (Аа. Н. Камп, Færøerne, стр. 54).

После того, как в 1906 г. на островах появился телефон, лодки для промысла на гринду собираются значительно быстрее. Оцепив выходы из бухты лодками, фарерцы ударами ручных гарпунов ранят ближайших животных, а те бросаются вперед, к берегу, увлекая за собой остальных. Часто гринды выбрасываются на берег, других добивают на мелководье. Этот промысел, особенно само побоище китов в бухте, привлекает все население ближайших пунктов, в нем участвуют поголовно все мужское население и подростки. Побойще гринды столь популярно, что может рассматриваться не только как промысел ради хозяйственных и житейских нужд, но и как своеобразный спорт и массовое зрелище, которое иностранцы, сравнивая его с боем быков в Испании, образно называли «боем быков фарерцев»⁵³.

Когда киты убиты и вытащены на берег, толпа участвующих в промысле фарерцев по существующей тысячелетней традиции избирает специального распределителя добычи. Распределитель нумерует, оценивает и делит добычу между всеми теми, кто участвовал в убое, вытаскивании туш на берег и разделке их. Прежде всего крупнейшую гринду отдают тому, кто первым заметил стадо и дал об этом знать всем. Затем наделяют долями участников преследования китов в море и убоя гринды в бухте. Около 0,5% добычи достается самому распределителю и по $\frac{1}{8}\%$ тем, кто принимал участие только в разделке туш. Обычно четверть добычи делится между владельцем земли, на которой происходит разделка туш, и администрацией дистрикта (района), где происходил дележ. Даже зрители и туристы получают в виде угощения небольшую долю в честь удачного промысла.

В тот же вечер или ночь жители населенного пункта — участники промысла и зрители — празднуют удачу в морской охоте на гринду: едят вареное и жареное мясо гринды, пьют хмельные напитки, поют традиционные песни о гринде, танцуют. Танцы всегда затягиваются до утра.

Помимо мяса гринды, в пищу идет часть жира. Остатки его перетапливают, и топленый жир экспортируют в Данию, где он перерабатывается на маргарин. Отходы туши гринды, по местным правилам, участники дележа должны удалить: или увезти на лодках в море и выбросить, или использовать для удобрения.

С 1894 г. когда на островах была создана норвежская китобойная станция, среди фарерцев возник промысел на крупные породы китов. В период второй мировой войны 1939—1945 гг. промысел был прекращен, но уже с 1945 г. возобновился, а в 1948 г. 160 фарерцев занимались промыслом на крупных китов и жироварением. Китовый жир отчасти вывозится в Данию, отчасти на месте перерабатывается в маргарин, а мясо идет в качестве корма на пушные фермы. Основная же часть жира и мяса экспортируется в Англию и Норвегию, а различные отходы китовых туш используют для удобрения скудных почв островов. Китобойный промысел островов составляет 1—2% от мирового⁵⁴.

В прежнее время характер самостоятельного промысла носила охота на тюленей. Тюлени здесь водятся на камнях и в пещерах у подножья скальных стен. И скальные стены, где гнездовались птицы, и пещеры под ними, и камни возле них, где бывали лежища тюленей, в течение многих столетий по традиции принадлежали тем или иным ближай-

⁵³ J. Bruus, Указ. раб., стр. 137—141.

⁵⁴ Аа. Н. Кампр, Færøerne, стр. 57.

шим соседним общинам, а члены этих общин промышляли здесь тюленей и птицу. Тюлений жир шел для освещения помещений, а кожа — для изготовления обуви, кисетов для табака и сумок⁵⁵. Ныне значение тюленьего промысла невелико.

Западные и северные берега островов обычно отвесны, и на этих отвесах, на каждом маленьком уступе, в каждой расщелине лежат гнезда, а склоны под птичьими базарами, где гнездуются миллионы птиц — 24—25 видов пернатых, — белы от птичьего помета. В течение всего лета фарерцы собирают птичьи яйца и ловят птиц на стенах скал «сачком» из сетки, приделанной к кольцу на четырехметровом шесте, или просто сетью. Для ловли птиц и сбора яиц фарерцы подъезжают снизу к скалам на лодках или спускаются по скалам и ходят по полкам, привязанные сверху страховочной веревкой и держа в руках шест с сачком. При таком способе ловли птиц птицеловы нередко срываются и иногда гибнут.

В летнее время птицы некоторых видов настолько жиреют, что не могут быстро взлететь или совсем не могут взлетать, и их ловят прямо над водой сачками на штанге. Хороший птицелов может при благоприятной погоде в течение дня поймать на скалах или над водой 800—900 птиц. Пойманных на скалах птиц птицелов не держит при себе, а по мере лова в связках по пять штук сбрасывает в лодку напарнику по охоте.

Мясо птиц фарерцы употребляют в пищу, а значительную часть птичьего пуха и перьев экспортируют за границу.

Птицеловство — одно из древнейших и в то же время опаснейших хозяйственных занятий фарерцев. Подобно промыслу на гринду и на тюленей, оно было весьма характерно для периода господства натурального хозяйства и дольше этих промыслов сохраняло значение важного подсобного занятия. Промыслом на птицу, как и промыслом на гринду и на тюленей, всегда занимались исключительно мужчины. Только ощипывание перьев у птицы считается здесь женской работой.

Показательны следующие данные о значении птицеловства в разные периоды нашего столетия. Если в конце прошлого и начале этого века ежегодно ловили 200—300 тысяч морских попугаев и 50—60 тысяч гагар, то в 1930-х годах ловили почти в два раза больше птиц⁵⁶. Однако в последние два десятилетия птицеловство утратило свое значение, главным образом из-за большой занятости рабочих рук в рыболовстве.

Промышленность на островах развита слабо. Здесь добываются бурый уголь, торф, вулканический туф и базальт для строительных целей. Работает несколько небольших фабрик по производству маргарина и мыла из китового жира, несколько текстильных фабрик, судовые верфи по ремонту рыболовных судов и траулеров. Из ремесел, продукция которых идет преимущественно на внутренний рынок, можно назвать сейчас лишь кустарную вязку шерстяных свитеров. Вязкой заняты женщины на дому. Каждая в среднем вяжет до 50 свитеров в год⁵⁷.

⁵⁵ H. Rasmussen, Указ. раб., стр. 33.

⁵⁶ Аа. Н. Кампр, Færøerne, стр. 60; Ерген Стейнинг указывает цифру общего годового промысла птицы в 300 тыс. штук (J. Steining, Færøerne, København, 1949, стр. 38).

⁵⁷ Аа. Н. Кампр, Færøerne, стр. 91—93.

* * *

Знакомство даже с относительно немногочисленными материалами по этнической истории и традиционным хозяйственным занятиям фарерцев наталкивает на целый ряд проблем, ждущих своего исследователя. Так, до сих пор открытой остается проблема антропологического типа современных фарерцев. Значительный интерес для науки, по-видимому, представит также проблема пережиточных форм общинной собственности на овец. Последняя из названных проблем привлекает особое внимание, ибо аналогичный пример длительного бытования общинной собственности на скот затруднительно найти где-либо у другого народа. Трудно объяснить происхождение такого явления у фарерцев, но соблазнительно видеть его в самой истории приобретения овец в собственность в период заселения островов. Ведь высадившись на островах, древненорвежские первопоселенцы сразу стали обладателями и ничейных земель, и ничейных стад полудиких, полудомашних овец. Естественно предположить, что и пастбища и стада овец стали на каждом острове или в каждом поселении общей собственностью всех членов данного коллектива — соседей, соседской общины. Впрочем, нужны дополнительные фактические данные и более глубокие исследования этой интересной проблемы.

По-видимому, также представит интерес для этнографии более обстоятельное изучение оригинального варварского промысла фарерцев на гринду, проблемы производственного быта рыбаков и их семей, путей дальнейшего развития традиционных хозяйственных занятий фарерцев.